

В стихах и прозе

«Оставьте что-нибудь на память...»

✍ Галина Лещинская

Не пугайтесь. Это только ветер.
Это только сонное окно.
Не пугайтесь. Мы одни на свете.
Мы сейчас одни, и мы – одно.

Все трамваи, пешеходы – мимо,
Ни один не тормозит шофёр.
Слово «мой» – оно неповторимо.
Я его не знала до сих пор.

Не пугайтесь. Вас так грустно любят.
Не покинут, не прогонят прочь.
Не пугайтесь. Утро не наступит.
Будет вечно только эта ночь.

Мне не простится этот грех,
Когда приснилось – выпал жребий:
«Одной из всех – противу всех –
За всех». И меньшего не требуй.

И невозможный этот путь
Открылся, чтоб меня прикончить.
Я опишу когда-нибудь,
Как той декабрьской страшной ночью

Ты по традиции, боюсь,
Что не от Вертера – от века,
Когда любовь страхается смеха,
Духовный предложил союз.

Безропотно, почти без слёз
Я слушала. Какие слёзы?

Проклятый вихрь меня вознёс,
Куда блаженство не возносит.

Всё, что отвержено – смешно.
Посмейся же! Ведь я от шока
Кричала, уж не помню что,
Вонзая пальцы в горло Бога.

Не знает зрячий, что такое свет.
Он никогда воспеть его не сможет.
И только тот, кто безнадежно слеп,
О свете песнь волнующую сложит.

Там будут горы в тучах утопать,
Асфальта чёрная змея струиться.
Дорога пенная – моя судьба –
Спешит с волнами радужными слиться.

Незрячий знает, что такое свет.
За свет отдаст он жизни половину...
Спасибо, что тебя со мною нет.
Я знаю, что такое быть любимой.

Жизнь, и ты по спирали идёшь,
Повторяешь на разных ступенях
Тот же смехом наполненный дождь,
Те же бури, вскрытые вены.

Всё похоже – вокзал, Эрмитаж,
Воротник, прикрывающий губы,
Реже – дождь, и всё чаще – мираж,
Не надежда – надежды обрубок.

Ход событий – один, предрежён,
Продиктован уже машинистке.
И смирен, и сметён, и смешон
Тот, кто этих не ведает истин.

Всё чего-то мы ждём. Между тем,
Понаставив глубоких и мелких,
Бог берёт поварёшку и всем
Разливает, как хочет, в тарелки.

И когда я забыла печаль,
И когда мне апрель всё дороже,
Кто-то принялся вновь изучать
Русло крови на собственной коже.

Вы просите, чтоб я писала.
И верно, столько раз уже
Любовь поэтов вдохновляла –
От Байрона до Беранже!

Я изучила их трофеи.
Любой, любой ласкал певец
Забитую перчатку, веер
Или надежду, наконец.

А мне слезами что обрызгать?
Что к сердцу мне прижать нежней?
Есть ваша старая записка,
И та написана не мне.

Оставьте что-нибудь на память!
Вдали от любопытных глаз
Подарка я коснусь губами,
Как будто поцелую вас.

Справка
«ММ»

Галина Лещинская

Галина Лещинская родилась 19 декабря 1946 года в Магнитогорске. После школы поступила на физико-математический факультет Магнитогорского государственного педагогического института. Работала инженером-программистом вычислительного центра МК и в магнитогорском филиале ВНИИ «Метиз».

Первое стихотворение в подражание поэзии Михаила Исаковского написала в детстве. В 1967 году стала членом литературного объединения «Красное солнышко». С 2005 года входила в жюри литературного конкурса имени К. М. Нефедьева и редакционный совет книжных серий «Литература Магнитки. Избранное» и «Литература Магнитки. Контекст», издаваемых под патронажем газеты «Магнитогорский металл». Автор книги стихов «Поворот пейзажа» (12+) (2004 год) и книги рассказов и очерков «Тени в окне» (12+) (2008 год). В настоящее время живёт в Москве.

Школа жизни

Мою шефиню называли «школой жизни». И было, было чему у неё поучиться... Высокая, видная, всегда нарядная, длинные светлые волосы уложены в красивую причёску. Говорила шефиня всегда уверенно, авторитетно, даже с теми, кто гораздо лучше её знал о предмете разговора. Руководила группой программистов, в которую входила и я, не зная с какого боку подойти к вычислительной машине. В словаре её было много технических терминов, смысла которых она часто сама не понимала. При этом очень любила ими щеголять. Могла, например, официантке в ресторане сообщить, что мы занимаемся математическим моделированием. Про ассемблер любила поговорить...

Благодаря шефине у нас была медаль ВДНХ, наша программа входила в международный фонд алгоритмов и программ... В общем, умела общаться. Её беседы с очередным главным инженером очередного завода, где она хотела внедрить нашу программу, начинались с того, что он спрашивал: «А зачем нам это надо?» Минут через сорок он уже говорил: «Когда же, когда же вы у нас это внедрите?»

Про неё не зря говорили, что она пройдёт в любую дверь. Сколько раз нас, например, в перерыв не впускали в столовую! Закрыто. Но она начинает объяснять, что мы тут в командировке и занимаемся математическим моделированием... Нас не только пускают, нас кормят тем, что работники столовой приготовили для себя. В командировках часто приходилось работать в ночную смену. Накапливалась усталость. Однажды я едва не засыпала перед очередной сменой. Нужно было выпить кофе. Шефиня повела меня в ресторан. Увидев у дверей толпу желающих попасть внутрь, она решительно направилась к служебному входу. Рассказала официантке про математическое моделирование. Про ассемблер. Та вынесла две чашки кофе.

– Нет, мне не надо, я выдержу, – не стала говорить, что сама-то собирается спать. – А вот ей, – ткнула пальцем в мою сторону, – дайте выпить двойную порцию.

Один случай запомнился особенно. Моя шефиня, я и ещё одна наша сотрудница были в командировке в Орле, жили не в гостинице, а в ведомственной трёхкомнатной квартире. Предлагался ещё один вариант – жить в общежитии с одним умывальником на этаже. Но нам нравилось в квартире. Вернёмся с работы в час ночи – тут и душ, и холодильник. Но однажды вдруг с утра пришла горничная и попросила, чтобы мы срочно переехали в общежитие. Дескать, сейчас из Москвы должен прилететь замминистра Артюхин, и его нужно поселить вот в эту самую квартиру. А прилетает он по очень важному делу – поздравить директора завода с юбилеем.

Мы с сотрудницей, вздохнув, начали собирать вещи. Однако наша шефиня даже не шелохнулась.

– Вы чемоданы оставьте пока здесь, – сказала она, – поезжайте на работу, я скоро тоже приеду.

Явившись на завод, шефиня напрямик направилась к начальнику вычислительного центра, исполнявшему ещё и обязанности заместителя главного инженера.

– Скажите, это правда, что Артюхина хотят поселить в эту квартиру? – обеспокоенно спросила она.

– Да.

– В эту квартиру?! С таки-и-им унитазом?

Надо сказать, унитаз был самый обыкновенный. Но... Всё. Слова произнесены. Времени проверить, что там за унитаз, не было – Артюхин уже подлетал. Да и кто усомнится, когда такая дама... В итоге Артюхина поселили в другом месте, а нас оставили в квартире.

Да, очень любила шефиня блеснуть эрудицией. А уж про книжки! Чего она якобы не читала. Кого из писателей она якобы не любила. Как-то сослуживцы над ней подшучили. Напротив окон нашей лаборатории однажды образовалась небольшая свалка, и на брошен-

ной доске кто-то мелом написал: «Лисянская – дура». Сослуживцы сели пить чай, и кто-то спросил шефиню:

– Ты знаешь, кто такая Лисянская?

Та с важным видом стала морщить лоб:
– Лисянская, Лисянская... Где-то я уже слышала эту фамилию... Совсем недавно... Может, в «Новом мире»? Она писательница?

– Она дура! – и сослуживцы показали ей на свалку.

Почти по Достоевскому

Вспомнила эпизод. Почти по Достоевскому. Не знаю, возможен ли такой где-то ещё...

Начало 90-х. Я иду по проспекту Карла Маркса в Магнитогорске и вижу такую сцену. Стоит ветхая старушка, лет семьдесят, не меньше. Просит подаяния. Рядом остановился человек лет тридцати. Он пытается впихнуть старушке довольно толстую пачку денег. Она едва не плачет:

– Сынок, я не могу взять столько денег! Грех! Мне скоро помирать...

– Мать, возьми! Это несправедливые деньги! Избавь меня от них!

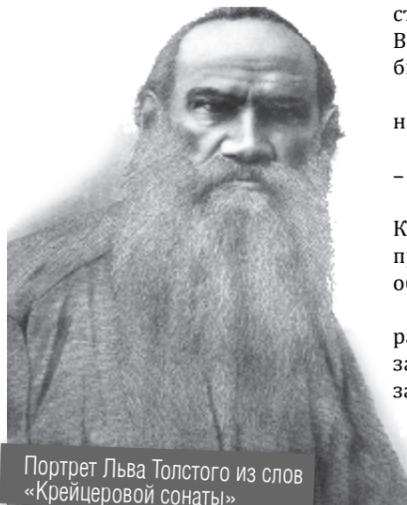
Я обомлела. Затормозила. Очень хотелось узнать, чем всё закончится. Но долго стоять было неудобно. Я пошла дальше, а они всё спорили...

Памяти Евы Лазаревны

Многие магнитогорцы моего поколения, наверное, помнят Еву Лазаревну Лозовскую. Она была деканом литературного факультета Магнитогорского педагогического института, знатоком древнерусских летописей, специалистом по творчеству Льва Толстого. Причём настолько признанным специалистом, что в год 150-летия Толстого представители ЮНЕСКО пожелали, чтобы от СССР по поводу этого юбилея со статьёй выступила именно Ева Лазаревна. Как её любили и уважали студенты...

Я, к сожалению, не училась у неё, я училась на физмате, но мы были соседями. Дверь её квартиры располагалась напротив нашей двери. Не нужно было смотреть на календарь, чтобы узнать, что сегодня 13 мая. В этот день, день рождения Евы Лазаревны, её почтовый ящик был переполнен открытками, телеграммами, цветами. А когда на неё был написан донос и решался вопрос, останется ли Ева Лазаревна деканом, собралась демонстрация студентов во главе с Гулюсом Газизулиным. И эти студенты не расходились, пока не узнали, что их любимица будет по-прежнему возглавлять литературный факультет.

До сих пор приятно вспомнить те понедельники, когда я, студентка, приходила в редакцию институтской многотиражки «Педагог». Газету делали три человека – главный редактор Лозовская, ответственный секретарь, будущий преподаватель литфака, ученица Евы Лазаревны Эвелина Андреевна Вдовенко и Фаина Владимировна Тарнавская, которая печатала тексты на машинке. Все весёлые, остроумные, постоянно подшучивающие друг над другом. Причем чаще всего подкалывали Еву Лазаревну. В редакции мне доставалась какая-нибудь безответственная работа, типа сочинить стишок к Новому году. Это был еженедельный праздник.

Портрет Льва Толстого из слов «Крейцеровой сонаты»

Однажды, когда я была дома у Евы Лазаревны, пришла взволнованная Эвелина Андреевна. Или Веля, как называли её близкие и коллеги. Она протянула Еве Лазаревне газету.

– Смотри-те!

Ева Лазаревна взглянула и радостно воскликнула:

– Да! Это мой портрет.

Оказалось, что найден и отдан в музей какого-то города портрет Льва Толстого, неизвестно кому ранее принадлежавший. Портрет этот имел особенность: графически он состоял из полного текста «Крейцеровой сонаты». Работники музея просили откликнуться тех, кто знает что-нибудь про это оригинальное изображение.

Ева Лазаревна рассказывала нам с Велей, как во время войны при эвакуации из Польши она вытащила портрет из рамы, свернула в трубочку и всю дорогу старалась уберечь. Это была самая главная её драгоценность. Но на какой-то станции ночью случилась тревога. Во время этой суматохи картина была потеряна. Беда...

И вот через много лет портрет нашёлся.

– Я обязательно напишу в музей, – пообещала Ева Лазаревна.

Жить ей оставалось года три. Каждые два-три месяца то я к ней приставала, то Веля – напоминали об обещании.

– Нет, ещё не написала, – всякий раз отвечала она. – Напишу обязательно. Вот сейчас мне нужно закончить статью...

То студенты, то статьи, то ещё что-нибудь. Но она была уверена, что скоро напишет...

Не написала.

Ева Лазаревна Лозовская